

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A.I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

ISSN 1028-3439

2022, вып. 33

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.33.1>

<https://elibrary.ru/buirqs>

<http://zoobank.org/References/5C6A9506-C183-4162-94CF-DF6BFA9E25D8>

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ ОКРУЖЕНИЕ О.Ф. ГЕРЦА – ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ ЯКУТИИ И КАМЧАТКИ

Е.В. Новомодный

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск

E-mail: evgenov@mail.ru

Приведен обзор жизненного пути Отто Альфреда Герца (1853–1905), энтомолога, консерватора и сборщика естественноисторических коллекций по зоологии, воспитанника всемирно известной германской торговой фирмы «O. Staudinger & A. Bang-Haas» (Дрезден-Блазевиц), который в 1883 г. перешел на службу к великому князю Николаю Михайловичу Романову. Дана характеристика людей его окружения. В российский период жизни О. Герц непрерывно путешествовал, став одним из первых исследователей энтомофауны Якутии и Камчатки. Приведена библиография трудов. В приложении дан перевод с немецкого языка фрагментов из его отчетов о поездках, имеющих непосредственное отношение к энтомологии.

Желание рассказать об этом скромном труженике науки у нас возникло давно, так как мы считаем, что его деятельности уделялось незаслуженно мало внимания. А ведь это его руками созданы коллекции чешуекрылых мирового значения, и к тому же он является одним из первых целенаправленно исследовавших фауну насекомых столь труднодоступной Восточной Сибири! Однако в России Отто Герц известен, прежде всего, как успешный палеонтолог, который вместе с препаратором Е.В. Пфизенмайером [Pfizenmayer, Eugen Wilhelm, 1869–1941] научно грамотно организовал и провел в бассейне Колымы раскопки найденного в многолетней мерзлоте уникального по сохранности трупа мамонта (Герц, 1902; Herz, 1902). Толчком к реализации задуманного стали недавно опубликованные работы коллег, тематически близкие нашим и насыщенные цитируемыми архивными документами (Винарский и др., 2021; Слепкова, 2021; Юсупова и др., 2021).

Итак, его полное имя – Альфред Отто Герц [Herz, Alfred Otto; 28.10.1853 – 12.07.1905], в российской традиции – Отто Федорович. Он родился в уездном городке Хойерсверда [Hoyerswerda, Sachsen], расположенном в 55 км к северо-востоку от Дрездена, в землях западных славян – лужицких сербов (сорбов). О детских годах нам практически ничего неизвестно, кроме того, что интерес к бабочкам возник очень рано. В 1873 г., после окончания средней школы, он поступил на медицинский факультет Лейпцигского университета, но по какой-то причине учиться не стал, и в том же году нанялся работать препаратором к лепидоптерологу-коллекционеру, путешественнику и продавцу насекомых, знаменитому систематiku чешуекрылых д-ру Отто Штаудингеру [Staudinger, Otto, 2.05.1830–13.10.1900], чья всемирно известная компания «Dr. O. Staudinger & A. Bang-Naas», основанная в декабре 1858 г., в то время базировалась в Дрездене (Кузнецов, 1905, 1906).

Возможно, О. Герц начал трудиться у него даже раньше, чем это указано в некрологе. Так, например, в 1871–1872 гг. стажировавшийся у мэтра русский лепидоптеролог С.Н. Алфераки (1850–1918) вспоминал, что в то время «среди препараторов Штаудингера я познакомился с двумя молодыми людьми – Эмилем Функе [Funke, Emil; 1856–1922] и Otto Herz'ем» (Алфераки, 1909; цит. по: Павлов, 2018). Зная не понаслышке, сколько напряжения при массовой обработке материала требует от человека эта кропотливая работа, можем утверждать, что Герц обладал выдающимися усидчивостью и аккуратностью. Вероятно, в монтажке он был асом. Без такого навыка его бы вряд ли взяли на фирму. В те далекие годы не редко практиковали торговлю предварительно расправленными насекомыми. Материал отправляли почтой, предоставляя покупателям право самим выбирать приглянувшиеся образцы. Поэтому наверняка впоследствии приходилось заниматься починкой товара. Подобной мелкой работы всегда было много, и выполнять ее было бы невозможно без страстной привязанности к этим симпатичным букашкам.

Поскольку никаких других наставников О. Герца в энтомологии, кроме О. Штаудингера, мы не знаем, логично будет охарактеризовать его учителя. Заслуги этого светоча лепидоптерологии второй половины XIX в. в изучении фауны чешуекрылых Российской Империи (особенно Приморья и Приамурья, гор Средней Азии) трудно переоценить. Но, как ни странно, до сих пор нет о нем развернутой статьи в русскоязычном научном издании. Среди большого числа иноязычных публикаций мы выбрали единственную прижизненную, которая почти наверняка предполагает участие в ее создании самого героя. Наш перевод этой заметки приводится в сокращении и с комментариями.

«Нестор» немецких энтомологов, д-р Отто Штаудингер родился в поместье Гросс-Вюстенфельде недалеко от г. Тетеров, в [провинции] Мекленбург-Шверин, которое арендовал его отец. Воспитатель по фамилии Вагнер активно собирал жуков и этим возбудил у шести-семилетнего мальчика желание коллекционировать: но не жуков, а бабочек, за которыми (как и многие другие его друзья-товарищи) он любил гоняться. Летом 1848 г. семья переехала в красиво расположенную усадьбу Любзее близ г. Гюстров, которую отец купил, и юноша принялся активно собирать бабочек, так как здесь местность была ими

гораздо богаче. Способствовал такому занятию и его частный учитель Герман, сам коллекционировавший этих животных, который имел книгу о них. С того времени Отто жадно собирал даже мелких бабочек, лишь бы их можно было насаживать на обычные булавки, взятые у матери. Когда не ходил в школу, ему доставляла особое удовольствие возможность в хорошую погоду провести в дальних экскурсиях целый день. С октября 1845 г. до лета 1849 г. он учился в гимназии г. Пархим, где получил аттестат средней школы. В октябре 1849 г. поступил в Берлинский университет, и во втором семестре изучал зоологию у тогдашнего приват-доцента д-ра Б. Штейна, с величайшим интересом слушая его еженедельные шестичасовые лекции. Однажды во время лекции Штейн сообщил аудитории, что торговец натуралиями Штраубе [Straube, Franz Gustav, 1802–1853] из Дрездена приехал в Берлин с большими запасами насекомых, собранных на Востоке для распродажи. Так Штаудингер впервые увидел прекрасных бабочек в большом количестве, и он накупил их на целых 5 (пять!) талеров. В это время молодой человек познакомился с другими берлинскими коллекционерами. Прежде всего, со студентом Герштеккером [энтомолог Gerstäcker, Carl Eduard Adolph, 1828–1895] (впоследствии тот стал профессором в Грейфсвальде), который в то время усердно собирал бабочек. На своей первой экскурсии, предпринятой в конце июня, поймал на кладбище на о. Штраляу несколько только что вылупившихся *Sesia tipuliformis* [смородинных стеклянниц], что разбудило в нем особую любовь к бабочкам-стеклянницам. В этом и следующем году он с большим рвением собирал близ Берлина. Когда весной 1852 г., после продолжительной болезни, врач посоветовал ему, если сможет, отправиться в путешествие, студент с радостью подхватил эту идею. С середины мая до середины августа Отто находился на Женевском озере и в горном массиве Монблан; затем через перевал Симплон направился в Геную, а оттуда в самые жаркие дни в конце августа в Ниццу и через Марсель в Монпелье. В то время здесь проживало несколько увлеченных коллекционеров, у которых Штаудингер многому научился. Отто оставался на юге до конца ноября, а затем вернулся в Мекленбург на родину, на семейный праздник, а в начале января отправился в Париж, чтобы усовершенствовать свой французский и выучить итальянский и английский языки. На Пасху 1853 г. он возобновил учебу в Берлине, и в середине марта 1854 г. получил степень доктора философии, защитив диссертацию: «De Sesiis agro Berolinensis» [Стеглянницы берлинских окрестностей]. 1 апреля 1854 г. О. Штаудингер начал свое первое большое путешествие на Сардинию, получив рекомендации «того самого» А. фон Гумбольдта! [знаменитый географ, натуралист и путешественник: Humboldt, Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander Freiherr, von, 1769–1859]; он пробыл на острове до октября и после нескольких неудач достиг главной цели своей поездки: добился разведения в садке очень редкого *Papilio hospiton* [корсиканского махаона].

В 1855 г. совершил кратковременную поездку в Хайлигенблут [Каринтия – австрийские Альпы], о результатах которой в 1855–1856 гг. в газете «Stettiner Entomologische Zeitung» была опубликована его первая статья на родном

немецком языке. В апреле 1856 г. предпринял второе крупное путешествие, в Исландию, взяв себе напарника – страстного коллекционера, садовника Калиша. Осенью того же года он женился на дочери берлинского энтомолога Грабова [Grabow, Carl Wilhelm Louis (Ludwig), 1790–1859]. Свадьба состоялась 21 января 1857 г., и в тот же день (!) молодожены отправились в свою первую собирательскую поездку в Испанию. После непродолжительного пребывания в Париже, Лионе и Марселе (в котором оба за десять дней выучили испанский язык!) муж через Барселону, Валенсию и Альмерию отправился в Малагу [в Андалусии], где ловил более месяца. Затем они с женой прожили девять месяцев в Альгамбре близ г. Гранада, в окрестностях которой добыча оказалась очень богатой, и где 2 ноября у них родилась дочь [нареченная Мерседес, впоследствии, в 1880 г. вышедшая замуж за датского энтомолога А. Банг-Хааса [Bang-Naas, Andreas, 1846–1925], ставшего совладельцем бизнеса]. В середине декабря Отто поехал через Малагу в Чиклану [ныне Чиклана-де-ла-Фронтера] недалеко от Кадиса, где также добился большого успеха. В Берлин молодые вернулись в июле 1858 г., и, поскольку поездки стоили больших денег, О. Штаудингер с помощью своего тестя Грабова начал продавать коллекционных бабочек из числа собственноручно собранных.

Помимо неоднократных небольших поездок в Швейцарию, Австрию (Тироль) и Италию, доктор О. Штаудингер совершил другие длительные путешествия: в 1860 г. вместе с доктором Воке ездил в Финмарк [норвежская Лапландия]; в 1862 г. – в одиночку – в Старую Кастилию (Сан-Ильдефонсо); в 1872 г. с препаратором Э. Функе – снова в Финмарк; в 1875 г. – вместе с Э. Функе и старым коллекционером Цахом – в Амасию (Малая Азия); в 1880 г. – в Испанию (Кьелана и Гранада), в сопровождении коллеги-коммерсанта Максимилиана Корба, его жены и его же свекрови (!); в 1884 г. – снова в Сан-Ильдефонсо [с заездом в Лиссабон, – вместе с зятем, А. Банг-Хаасом, где их нагнал его единственный сын – Пауль]; в 1887 г. – в Алжир (Бискра вблизи Сахары и г. Ламбезе в горах Джебель-Аурес).

В конце января 1858 г. О. Штаудингер с семьей переехал из Берлина в Дрезден, где в 1864 г. открыл «Бани Дианы» (в ирландско-римском стиле), которые до сих пор известны как исторически первые общественные купальни города. На Пасху 1874 г. они перебрались в Блазевиц, дачный пригород Дрездена, где глава фирмы купил виллу «Диана», но и она так же, как ранее квартира в городе, вскоре стала тесной для коллекций, жилья и рабочих кабинетов. Тогда в 1884 г. он построил здесь гораздо большую виллу «Сфинкс», в которой стало достаточно места для всего. После этого он почти полностью отошел от бизнеса, передав бразды правления своему зятю А. Банг-Хаасу, сосредоточившись на систематике бабочек» (Anonymus, 1894).

В истории лепидоптерологии О. Штаудингер знаменит двумя каталогами в соавторстве с М. Воке [Wocke, Maximilian Ferdinand, 1820-1906]: «Catalog der Lepidopteren Europa's und der angrenzenden Länder» (1861) и «Catalog der Lepidopteren des Europaeichens Faunengebiets» (1871). Но, особенно, третьим, ждатель которого пришлось долго, так как хроническая болезнь сердца и переутомление

сильно сдерживали работу. Лишь незадолго до смерти он закончил свой «Catalog der Lepidopteren des paläarktischen Faunengebietes» (1901). На этот раз его соавтором выступил д-р Ханс Ребель [Rebel, Hans, 1861-1940] из Вены. Именно благодаря этому руководству в среде европейских (континентальных) лепидоптерологов вплоть до 1970-х гг. XX в. сложился более-менее устойчивый консенсус в понимании системы, ранга и объема таксономических единиц чешуекрылых Палеарктики.

«Многие энтомологи говорят о Штаудингере пренебрежительно, не как об ученом, а как о торговце, но я с этим совершенно не согласен. У Штаудингера был энтомологический взгляд поразительной верности. Память его по отношению к чешуекрылым была феноменальна. Издание первого каталога (1861) принесло большую пользу науке, введя хоть некоторый порядок в существовавший до тех пор в лепидоптерологии хаос. Второе издание (1871) явилось чисто откровением для всех лепидоптерологов и дало тот могучий толчок к расцвету этой науки, какой имел место до 1901 года, когда появилось, наконец, третье издание. Много можно найти в этих каталогах ошибок, неверностей, пробелов, но все это почти незаметно в огромном море его достоинств. Не надо забывать, что Штаудингер не ограничивался только отдельными группами чешуекрылых, как занимаются некоторые специалисты, и поэтому требовать от него специальных познаний по каждой группе – немыслимо и несправедливо» (Алфераки, 1909; цит. по: Павлов, 2018).

Очевидно, что за исключением хозяина, в фирме «Dr. O. Staudinger & A. Bang-Naas», почти никто из работавших в конторе сотрудников не путешествовал за материалом. Мы не нашли сведений о поездках Герца за 1873–1882 гг.! Лишь летом 1883 г. он совершил вояж на о. Сардиния вместе с другим препаратором фирмы, вышеупомянутым Эмилем Функе. Почему? По-видимому, его специально готовили к новой роли – полевого исследователя!

Дело в том, что с октября этого года Отто Герц стал консерватором (хранителем коллекций) у богатого российского любителя-лепидоптеролога – великого князя Николая Михайловича Романова (1859–1919), старшего сына Михаила Николаевича Романова (1832–1909), в 1863–1881 гг. – императорского наместника на Кавказе. Этапное событие в жизни нашего героя выглядит просто как переход со службы у одного хозяина на аналогичную должность к другому, наверняка по предварительному соглашению сторон. Найдя себе в помощь молодого единомышленника со связями и средствами, Штаудингер тем самым усилил людьми и финансами исследования фауны насекомых на территории Российской Империи и соседних стран. Он шел проторенным путем, ведь ранее великому князю с той же целью был передан Гуго Федорович Христоф (Christoph, Hugo Theodor, 1831–1894), тоже раньше работавший на фирму «Dr. O. Staudinger & A. Bang-Naas».

Из некрологов о последнем: «Он родился в г. Гернгут [Herrnhut, по-сорбски: Ochranow] в Саксонии, где как члена Братства [протестантской] Моравской церкви его готовили к профессии учителя. После обучения, в 1851 г. он стал преподавать в школе для мальчиков из братства. В том же качестве в 1858 г.

переехал в гернгутскую миссионерскую колонию Сарепта-на-Волге, где учительствовал в местной школе вплоть до 1870 г. С ранней юности энтомология была тем любимым занятием, которому он жертвовал почти каждый час досуга. Первые энтомологические дневники датируются январем 1849 г. Они показывают, что уже тогда велась оживленная переписка с такими известными энтомологами, как профессор Геринг и пастор Штандфусс. С 1870 г., присоединившись к д-ру О. Штаудингеру, он полностью посвятил себя энтомологии, пока в 1880 г. не получил работу у Его Императорского Высочества великого князя Николая Михайловича, с чем был связан переезд из Сарепты в Петербург. Его коллекторские поездки таковы: в Северную Персию – 1870–1871, 1873 и 1878 гг.; в Дагестан и Закаспийскую обл. – 1872 г.; в 1874 г. – снова в последнюю; в 1875 г. – на соляное Индерское озеро в низовьях р. Урал. С февраля 1876 г. по ноябрь 1877 г. – в Приамурье и Приморье, в 1879 г. – в Хвалыньск на Волге» (Hering, 1894). Кавказские вояжи: 1880 г. – в Абхазию, Батуми, Боржоми и Бакуриани; 1881 г. – в Ордубад и на оз. Севан; 1882 г. – в Туркмению, позднее в Ереван и Казикопоран (ныне в Турции); 1883 г. – снова в Ордубад, на курорт Истису и в Казикопоран; 1884 г. – в долину Куры; 1886 г. в Главный Кавказский хребет и Муганскую степь; 1887–1888 гг. – снова в горное курдское селение Казикопоран. В последней поездке он «тяжело заболел кишечным катаром [энтеритом]. По совету врачей и по желанию своего начальника он лечился в Карлсбаде летом 1889 и 1890 гг., оба раза для оздоровления совершая поездки в Тироль [Альпы], на перевал Стельвио [Passo dello Stelvio, 2757 м]». Лечение было столь успешным, что он смог снова отправиться за энтомологическим материалом. В 1891–1892 гг. ездил на пустынный юг Оренбургской губ. в с. Губерли. Проведя лето 1893 г. частью в Петербурге, частью в Сарепте у своих родственников, в 1894 г. Христоф отправился на понравившееся ему в 1875 г. Индерское озеро, расположенное на Прикаспийской низменности, в 10 км. от р. Урал. Но ему сильно не повезло с погодой. «Я никогда не совершал менее приятного и более непродуктивного путешествия, чем это». На обратном пути ему удалось подлечиться в Сарепте, но через месяц после возвращения в Петербург случился инсульт, а через несколько часов наступила смерть. «Великий князь вынес гроб из церкви» (Hering, 1894; Sievers, 1894). Так Н.М. Романов лишился первого из своих единомышленников-лепидоптерологов.

Заметим, что информация о том, каким образом великий князь, согласно традиции, по рождению обреченный стать военным, в детстве превратился в лепидоптеролога скупа и вся исходит от Г.И. Радде, в кавказский период своей жизни являвшегося директором губернского музея в Тбилиси и дружившим с семейством царского наместника на Кавказе. Приведем письмо Г.И. Радде Н.М. Романову, содержащее знаковые моменты из жизни великого князя:

«Ваше Императорское Высочество!

Более тридцати лет тому назад Ваше Императорское Высочество начали изучение энтомологии Кавказа. Когда шаловливый полет *Thais Cerisyi* у края лесной лужайки, покрытой весенней зеленью, впервые приводил Вас в радостное настроение, тогда же наслаждение красотами природы нашло благодарную

почву в восприимчивой молодой душе Вашей. Увлекаясь изящными формами и великолепными красками бабочек, Вы предавались серьезному изучению их морфологии и в продолжение полжизни человеческой, при том жизни, не особенно благоприятствующей подобной наклонности. Коллекция Ваша принадлежит к одной из самых полных на земном шаре и в 8-ми роскошно изданных томах Ваших «Memoires sur les lepidopteres» содержится драгоценный материал по фауне чешуекрылых необъятной Российской Империи. Эти строки напомнят Вам о Вашей деятельности в области энтомологической науки в волшебных Ликанах, когда в душные часы вечерних сумерек многочисленные сфинксы прилетали к цветочным клумбам; *Deilephila suellus* порхал над пышными цветами вербены; когда редчайший из ночных бражников, *Deilephila Komarowi*, становился добычею Вашей опытной руки. Вы вспомните при этом те темные ночи, когда с фонарем в сосновом лесу Вы прослеживали жизнь редких гусениц, скрывающихся от дневного света, чтобы принести их затем для развода к себе домой, вместе с растениями, которыми они питаются. Приятным для Вас воспоминанием будут также солнечные дни, когда на просторной пристройке Вашего маленького замка, недалеко от прекрасной мраморной статуи Аполлона Бельведерского, укрывались бескрылые некрасивые самки *Orgyia* и затем, гонимые инстинктом любви, прилетали сотнями самцы, которые делались Вашей добычей. <...>

Лучшие Ваши сотрудники в этой области, Сиверс и Христоф, покоятся в сырой земле и уже далеки от всех житейских волнений. Память о них и неисчислимы воспоминания из мира легкокрылых бабочек, среди восхитительных окружающих видов Кавказской природы, навсегда останутся начертанными в душе Вашей в ярких и свежих красках. Ваше Императорское Высочество, погружайтесь чаще в это тихое, чарующее море, после тяжелой утомительной работы на пользу Вашего отечества.

Этого желает Вам искренно преданный Д-р Г.И. Радде» (Радде, 1899).

Ликани – это великокняжеское имение в Грузии, близ курорта на водах Боржоми, где в общении с природой прошли детские годы Николая Михайловича. Если увлечение ружейной охотой в таких обстоятельствах естественное явление, то кто оказал поддержку охоте на бабочек? Г.И. Радде, конечно, мог, но известно, что в жизни великого князя был еще более близкий ему человек, перевод некролога которого с нашими комментариями мы приводим ниже.

«Др. Густав Сиверс, секретарь Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича [Sievers, Alfred Gustav, 1843–1898; в России – Густав Иванович] родился в Петербурге, в семье зажиточного и уважаемого купца, переселившегося из Гамбурга, Ивана Карловича Сиверса [Sievers, Johann Christoph, 1805–1867; один из основателей Русского Энтомологического общества, занимался инвентаризацией петербургской фауны чешуекрылых, обладал крупной коллекцией жуков]. В его доме усердно пропагандировались музыка и естественные науки [энтомология], поэтому самые известные ученые, такие как Менетриэ, Мочульский, Карл фон Бэр и Брандт-отец часто посещали Сиверса-старшего, чтобы развивать последние. В родительском доме Густав с

детства находился под влиянием таких занятий, и очень рано стал принимать участие в проходивших близ Санкт-Петербурга экскурсиях. После окончания частной школы Гейлера [Heiler, Napoleon Konstantin, 1802–1860], пользовавшейся в то время очень хорошей репутацией, Сиверс два года учился в Петербургском университете, слушая, в том числе, лекции Куторги [К. Степан Семенович (1805–1861), зоолог и минералог]. Затем он отправился в Гейдельберг, где [в университете] усердно изучал химию у Бунзена [Bunsen, Robert Wilhelm; 1811–1899] и физику у Кирхгофа [Kirchhoff, Gustav Robert; 1824–1887], чтобы позже пройти двухгодичный курс геологии и получить докторскую степень доктора философии, защитившись в Вюрцбурге у профессора Зандбергера [von Sandberger, Carl Ludwig Fridolin; 1826–1898].

Вернувшись после смерти отца в С.-Петербург, он стал состоятельным человеком и мог беззаботно предаваться своей склонности к путешествиям и исследованиям. Отправился на Кавказ, где вместе с Г. Радде в 1870–1873 гг. они совершили большие путешествия. Но вскоре, не по своей вине, он потерял все состояние и должен был обеспечивать себя сам. Поступил в публичную библиотеку при музее в качестве библиотекаря-помощника Г. Радде, преподавал в Тифлисской военной гимназии. Вскоре Великий Князь Михаил Николаевич, кавказский наместник, назначил его учителем старшего из своих сыновей, Николая, по естественным наукам, и придворным музыкантом (он был превосходным пианистом). На этих скромных, но столь соответствующих его характеру должностях, опекая геологические и энтомологические (главным образом, Coleoptera) музейные коллекции, он оставался до отъезда наместника в Петербург [1882 г.], когда последовал за ним в качестве библиотекаря книжного собрания дворца и секретаря его сына [высокородного энтомолога]. Последнюю должность он добросовестно исполнял шестнадцать лет. Например, большую часть великолепного издания патрона «Memoires sur les Lepidopteres» (8 томов) отредактировал он.

В связи с переводом Николая Михайловича по службе на Кавказ (1893 г.), Сиверс, естественно, поехал за ним. Со временем между начальником и его секретарем сложились сердечные, дружеские отношения, в которых принимал участие лишь узкий, близкий круг. Летом они жили на прекрасной вилле в Ликани. В часы досуга с жадностью велось изучение местной фауны (особенно выведение крупных бабочек из гусениц) и флоры, наполненное неформальным, дружеским общением. Те, кому посчастливилось разделить эти часы, никогда их не забудут» (R[adde], 1898). Неожиданная смерть Г.И. Сиверса потрясла всех, знавших его. (Обнаружив, что его подчиненный допустил крупную растрату денег великого князя, Сиверс покончил с собой). После такого психо-эмоционального стресса не приходится удивляться, почему собственная коллекция стала для Николая Михайловича поводом для тяжелых воспоминаний, и он решил прекратить свои занятия лепидоптерологией, передав ее в надежные руки.

Изначально эта «коллекция разделялась на три части: кавказскую, общепалеарктическую и экзотическую. <...> Если возможно и даже практично держать отдельно палеарктическую коллекцию от экзотической для удобства

во время научных занятий, то отделять от палеарктической коллекции специально кавказскую – крайне для научной работы затруднительно». Лишь в 1892 г. «я получил право, в виде опыта, слить кавказскую коллекцию с основной палеарктической» (Алфераки, 1909; цит. по: Павлов, 2018). Это не случайно: здесь проявилась взаимосвязь между энтомологическим собранием Кавказского музея и коллекцией великого князя. Вторая изначально рассматривалась в качестве дополнения. Вторая изначально рассматривалась в качестве дополнения. И сотрудники, которые занимались разделом Lepidoptera в музее и в частном собрании – одни и те же лица:

«Seine Kaiserliche Hoheit Grossfurst Nikolai Michailowitsch.

S. Alpheraky. St.-Petersburg.

H. Christoph. Sarepta, St.-Petersburg. 1871–1894.

Dr. G. Radde. Tiflis.

Dr. G. Sievers. Tiflis.

Dr. O. Staudinger. Blasewitz, seit 1875» (Радде, 1899).

Фамилии О. Герца в списке нет, зато фигурирует О. Штаудингер. По-видимому, им с Н.М. Романовым понадобился надежный помощник для Г. Христофа, который в силу своего возраста в одиночку уже не справлялся с обработкой поступающих от путешественников новых материалов, а ведь нужно было еще ездить в неизведанные места по России и за границу. Время показало, что молодость помогла О. Герцу выполнить поставленные задачи.

«В этот круг в 1884 г. вошёл и 24-летний Г.Е. Грумм-Гржимайло» (Винарский и др., 2021). По сути, в то время эта могучая кучка любителей взвалила на свои плечи развитие отечественной лепидоптерологии, которая на время осталась без кураторов со стороны академической и вузовской науки. В некотором смысле компания, собравшаяся вокруг коллекции Н.М. Романова выглядит филиалом штаудингеровского института изучения систематики и фауны чешуекрылых. Возможно, в этом и кроется причина того, что Г.Е. Грумм-Гржимайло, пытавшийся протестовать против засилья мэтра, не получил сочувствия и поддержки высокоуровневого энтомолога и других членов кружка (см. Винарский и др., 2021; Юсупова и др., 2021). Хотя наличие ревнивого соревнования между систематиками подтверждает и С.Н. Алфераки: «Я должен был спешить с описанием новых видов бабочек, чтобы удержать за нами, русскими, приоритет в описании этих форм, так как получив богатство Средней Азии в лепидоптерологическом отношении, ее стали посещать немецкие коллекторы, собиравшие бабочек для разных торговых фирм. Благодаря этому в Германии стали получать из отдаленнейших пунктов Центральной Азии те же виды, которые получали и мы, и если бы мы не действовали с описанием стремительно, то немцы отняли бы у нас массу новинок» (Алфераки, 1909; цит. по: Павлов, 2018).

Преемник О. Герца на должности хранителя великокняжеской коллекции бабочек Н.Я. Кузнецов писал в некрологе: «Деятельность Отто Федоровича можно охарактеризовать как деятельность чрезвычайно энергичного собирателя и натуралиста, наблюдающего и изучающего природу непосредственно и на месте». Для этого «в 1884–1885 гг. он ездил в Корею, Китай, Японию, на о. Хайнань и в Сиам [Таиланд] (маршрут: С.-Петербург, через Суэцкий канал

кругом Азии в Японию, Корея, Шанхай, Пекин, Кантон [Гонконг], Сиам, Хайнань, Кантон, Суэц, Триест); в 1887 г. в северную Персию; в 1888–1890 гг. в Якутскую область, на побережья Охотского моря, Камчатку и Командорские острова (обратно через Америку); в 1892 г. в Бухару и долину Заравшана; в 1894 г. в Копет-Даг и северо-восточную Персию; в 1896 г. в юго-западное Закавказье к турецкой границе и в 1897 г. в Закавказье и Финляндию» (Кузнецов, 1905). «И, наконец, в 1901 г. – в громадное и трудное путешествие на крайний северо-восток Сибири, на реку Берёзовку за трупом мамонта. Во время своих разнообразных и долгих поездок Герц не ограничивался коллектированием *Lepidoptera* и наблюдениями над ними, но тщательно собирал и другие естественноисторические предметы; с особенной любовью он коллектировал наземных *Mollusca* и *Reptilia*, этнографические материалы, проявляя в последнем случае значительную склонность к этнографии» (Кузнецов, 1906).

Интересны обстоятельства передачи коллекции Н.М. Романова Зоологическому музею Императорской Академии наук одновременно с консерватором О.Ф. Герцем, подробнейшим образом описанные Н.В. Слепковой (2021). Тогда штатных энтомологов было лишь двое, они и без того были перегружены служебными обязанностями. Но у О. Герца не было университетского образования, так что он мог рассчитывать лишь на должность препаратора с низким жалованием. Не зря ведь его высокому положению в обществе удивлялся С. Алфераки, когда-то познакомившийся с ним у Штаудингера: «Прошел ряд лет, и я вновь встретил Герца уже в Петербурге, когда он собирался ехать коллектором в Корею, на средства, собранные несколькими петербургскими энтомологами, в числе которых находился также и я. Еще позже Герц очутился препаратором у Великого Князя Николая Михайловича и вследствие этого обстоятельства через несколько лет вместе с переходом коллекции Великого Князя в музей Академии получил должность хранителя этой коллекции со званием старшего зоолога. Я очень любил Герца; отношения наши всегда были наилучшими, но видеть человека без всякой научной подготовки, без малейшего энтомологического взгляда в должности старшего зоолога высшего научного института России – разве это не поразительная неожиданность?!» (Алфераки, 1909; цит. по: Павлов, 2018). Последнее замечание легко оспорить, так как последующая служба доказала его состоятельность и в этом деле. Но «О. Герц был чрезвычайно добросердечным и мягким человеком, готовым всегда прийти на помощь собрату по специальности и словом, и делом» (Кузнецов, 1906). Кто знает, может быть, это полное отсутствие амбиций стало для него, как и Г.И. Сиверса, главным препятствием к достижению ученых титулов и регалий?

Не удивительно, что, добиваясь лучшей доли для своего протеже, Николай Михайлович стал обращаться в нужные инстанции, и, не стесняясь, «давить на все рычаги»: использовать своих родственников, занимавших высшие должности в государстве. Приведем текст одного из отношений.

«Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Михайлович обратился к Августейшему Президенту [ИАН, Вел. Князю Константину Константиновичу Романову (своему дяде)] со следующим заявлением от 13 октября

1899 г.: «Намереваясь передать в собственность Зоологического музея Императорской Академии наук свою коллекцию чешуекрылых, и озабочиваясь одновременно дальнейшею судьбой хранителя этой коллекции, г. Герца, я хотел бы, чтобы эта передача состоялась на следующих условиях: Коллекция, находящаяся в 29 шкафах, должна храниться и впредь в этих же шкафах, коим должно быть отведено соответственное помещение в здании Зоологического музея Академии. Хранителем этой коллекции должен быть оставлен г. Герц, коему следует предоставить штатное место старшего зоолога с содержанием в 2800 рублей в год и, ввиду его долголетней службы у меня, с зачетом в действительную службу всего этого времени, т. е. с 1-го октября 1883 года».

В ответе было написано: «Положено сообщить Его Императорскому Высочеству, что на основании положения о Зоологическом музее, г. Герц не может быть назначен старшим зоологом, как не имеющий соответствующая образовательного ценза, но может быть принят исправляющим должность старшего зоолога с содержанием в 2800 руб. в том случае, если будет утверждена новая штатная должность старшего зоолога; что же касается до зачисления г. Герцу службы с 1-го октября 1883 года, то Академия готова просить Министра Народного Просвещения возбудить о том ходатайство» (цит. по: Слепкова, 2021). Пришлось обращаться выше по инстанциям.

И вот, наконец, свершилось: «Министр Народного Просвещения <...> мнением положил: 1. Учредить при Зоологическом музее Императорской Академии наук четвертую должность старшего зоолога, с предоставлением сей должности служебных прав и преимуществ, присвоенных другим подобным же должностям по Высочайше утвержденному 13-го марта 1895 г. штату означенного музея. 2. Вызываемый <...> расход в две тысячи восемьсот руб. вносить ежегодно, с 1 января 1900 г.» (цит. по: Слепкова, 2021).

Но в дальнейшем зачисление Отто Федоровича в штат сильно задержалось. Поступив на место исполняющего должность старшего зоолога (с 1.03.1900 г.), лишь 7.04. 1904 г. Герц был утвержден старшим зоологом (чин коллежского советника). А умер он 12 июля 1905 года. Директор Зоологического музея В.В. Заленский писал, что «одной из выдающихся заслуг, принесенных О.Ф. Герцем науке и Зоологическому музею, служит участие и руководство им экспедицией, снаряженной Академией наук на р. Березовку для раскопки мамонта. Благодаря энергии О.Ф. Герца эта экспедиция была выполнена вполне удачно, о чем было заявлено в отчетах о деятельности музея за прошлые годы. Неимоверные трудности путешествия подействовали губительно на здоровье О.Ф. Герца и послужили главной причиной обострения сердечной болезни, которая свела его в могилу» (Заленский, 1907). Таким образом, его профессиональный уровень признали только по результатам «наиболее удачной из всех экспедиций, [когда-либо] снаряженных Императорской Академией наук» (Заленский, 1903). Желаящих более подробно узнать о результатах научной обработки трупа мамонта мы отсылаем к последнему из вышеуказанных отчетов академика В.В. Заленского.

Эпоним «herzi» в честь него носят как минимум пять дальневосточных таксонов насекомых. А всего их не менее десятка. В реках Кореи водится пескарь *Pungtungia herzi* (Herzenstein, 1892). По сведениям Немецкого энтомологического института основная часть собственноручных сборов насекомых была реализована через фирму О. Штаудингера. Сборы жуков поступали в частные коллекции Г.И. Сиверса и других колеоптерологов (см., например: Faust, 1887; Ganglbauer, 1887 a,b; Heyden, 1887), но, в конце концов, оказались у отца и сына Семеновых-Тянь-Шанских, и в 1914 г. ими были переданы в коллекцию Зоологического института РАН (Horn et al., 1990).

Суммируя результаты труда О.Ф. Герца, его биограф Н.Я. Кузнецов писал: «Громадные сборы О.Ф. по Lepidoptera из самых различных местностей и широт Азии и Европы вошли в состав коллекции Великого Князя Николая Михайловича, установка и сохранение которой в весьма значительной степени [на 2/3 по свидетельству Н.М. Романова] являются плодом деятельности О. Герца. Научная обработка этих обширных материалов до 1897 г. производилась другими лицами (Алфераки, Кристоф, Фиксен, Штаудингер и др.), опубликовавшими целый ряд работ о палеарктической фауне Lepidoptera. Сам О.Ф., находившейся в почти непрерывных, частью весьма трудных по выполнению путешествиях <...> только в последний период жизни спокойно предался разработке своих наблюдений и сборов. Несмотря на указанные не благоприятствовавшие кабинетному труду обстоятельства, если судить по его работам последних лет жизни, он был вполне способным на самостоятельную публикацию развернутых полевых дневников и обработку коллекционных материалов» (Кузнецов, 1906). В этом может убедиться каждый, обратившись к списку его трудов, который приведен в библиографии к статье.

ЛИТЕРАТУРА

Алфераки С.Н. 1909. Автобиография натуралиста-охотника. *Природа и охота. Ежемесячный иллюстрированный журнал*, Янв.: 1-16; фев.-март: 17-48; май: 49-80; июнь: 81-112; июль: 113-128; авг.: 129-142.

Винарский М.В., Юсупова Т.И. 2021. «Конкистадор русской энтомологии»: Г.Е. Грумм-Гржимайло и его вклад в лепидоптерологию. *Историко-биологические исследования*, 13(4): 7-39.

Герц О.Ф. 1902. Отчеты начальника экспедиции Императорской Академии наук на Березовку для раскопки трупа мамонта. *Известия Императорской академии наук*, 16(4): 137-174.

Заленский В.В. 1903. Отчет по Зоологическому Музею Императорской Академии наук за 1902 год // *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 8: 1-52.

Заленский В.В. 1907. Отчет по Зоологическому Музею Императорской Академии наук за 1905 год // *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 11: 1-60.

Кузнецов Н.Я. 1905. Разные известия [некролог Отто Федоровича Герца]. *Русское энтомологическое обозрение*, 5: 311-312.

Кузнецов Н.Я. 1906. Отто Федорович Герц † (Alfred Otto Herz). 1852-1905. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 11: I-V.

Павлов Н.Г. 2018. *Сергей Алфераки, охотник Его Высочества.* СПб.: Премиум Пресс. 236 с.

Радде Г.И. 1899. *Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные др. Г.И. Радде. Т. I. Зоология.* Тифлис: тип. Канцелярии главноначальствующаго гражданской частью на Кавказе. 521 с.

Слепкова Н.В. 2021. Об обстоятельствах передачи коллекции бабочек великого князя Николая Михайловича Зоологическому музею в Санкт-Петербурге. *Труды Зоологического института РАН*, 325(1): 113–136.

Юсупова Т.И., Винарский М.В. 2021 «Все Вами открываемые новые виды будут украшать мои “Mémoires”»: письма великого князя Николая Михайловича к Г.Е. Грумм-Гржимайло. *Russian Entomological Journal*, 30(1): 109–122.

Alphéraky S.N. 1897. Lepidopteren aus Kamtschatka gesammelt von O. Herz, bearbeitet von S. Alphéraky. *Mémoires sur les lépidoptères rédigés par N.M. Romanoff*, 9: 301–347.

Anonymus. 1894. Der Nestor der deutschen Entomologen, Dr. Otto Staudinger. *Entomologisches Jahrbuch: Kalender für alle Insekten-Sammler herausgegeben von Prof. Dr. O. Krancher*, Leipzig, 3: 265–268.

Faust J. 1887. Verzeichnis der von Herrn Herz in Peking, auf der Inseln Hainan und auf der Halbinsel Korea gesammelten Rüsselkäfer. *Труды Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге*, 21: 26–40.

Fixsen C. 1887. Lepidoptera aus Korea. *Mémoires sur les lépidoptères rédigés par N.M. Romanoff*, 3: 233–356.

Ganglbauer L. 1887a Die Bockkäfer der Halbinsel Korea. *Труды Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге*, 20: 131–138.

Ganglbauer L. 1887b. Neue Cerambyciden von Peking. *Труды Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге*, 21: 21–24.

Herz E. 1894. Hugo Christoph. Nachruf. *Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin*, 55: 133–139.

Herz O. 1897. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890. *Mémoires sur les lépidoptères rédigés par N.M. Romanoff*, 9: 239–299.

Herz O. 1898. Reise nach Nordost-Sibirien in das Lenagebiet in den Jahren 1888 und 1889 nebst einem Verzeichnisse der dort erbeuteten Macrolepidopteren. *Deutsche Entomologische Zeitschrift "Iris" herausgegeben von Entomologischen Verein Iris zu Dresden*, 11: 209–265.

Herz O. 1900. Meine Lepidopteren-Ausbeute im nördlichen Buchara und im Seravschan-Gebiete im Jahre 1892. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 5: 428–457.

Herz O. 1902. *Berichte des Leiters der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Ausgrabung eines Mammuthkadavers an die Kolyma-Beresowka ausgesandten Expedition.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 38 с.

Herz O. 1903a. Lepidopteren-Ausbeute der Lena-Expedition im Jahre 1901. *Öfversigt af Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar*, 45(15): 1–20.

Herz O. 1903b. Nachtrag. Ueber eine *Heliothis cora* Abberation von Verchne-Ubukunsk in Transbaicalien. *Öfversigt af Finska Vetenskaps-Societetens Förhandlingar*, 45(15): 21–22.

Herz O. 1903c. Beitrag zur Kenntnis der Lepidopterenfauna der Tschuktschen-Halbinsel. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 8: 14–16.

Herz O. 1903d. Verzeichniss der auf der Mammuth-Expedition gesammelten Lepidopteren. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 8: 61–87.

Herz O. 1904a. Beitrag zur Kenntnis der Lepidopteren-Fauna des russischen Nordens. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 9: 260–262.

Herz O. 1904b. Lepidopteren von Korea. Noctuidae & Geometridae. *Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук*, 9: 263–390.

Herzenstein S.M. 1892. Ichthyologische Bemerkungen aus dem Zoologischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. III. *Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, 13(2): 219–235.

Heyden L. 1887. Verzeichniss der von Otto Herz auf der chinesischen Halbinsel Korea gesammelten Coleopteren: *Труды Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге*, 21: 243–273.

Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. 1990. *Collectiones entomologicae: Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil 1. A bis K; Teil 2. L bis Z.* Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. der DDR. 220 p. + 221–573 p.

R[adde G.]. 1898. Dr. G.I. Sievers. [Nekrolog]. *Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik*, 20(9): 424–425.

Sievers G. 1894. Hugo Christoph †. *Deutsche Entomologische Zeitschrift "Iris" herausgegeben von Entomologischen Verein Iris zu Dresden*, 7: 361–363.

Stefen C. 2003. *Hydrodamalis gigas* (Mammalia, Sirenia, Dugongidae) material in the Museum für Tierkunde Dresden. *Zoologische Abhandlungen*, 53: 205–214.

Weidner H. 1974. Die Entomologischen Sammlungen des Zoologischen Staatsinstituts und Zoologischen Museums Hamburg. XI. Teil. Insecta VIII. Ordnung: Lepidoptera. *Mitteilungen aus dem Hamburgischen Zoologischen Museum und Institut*, 70: 181–266.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Извлечения из опубликованных на немецком языке отчетов О. Герца

Перевод и примечания Е.В. Новомодного

[**Письма 1884 г. из экспедиции в Корею (Fixsen, 1887)**]. Главным образом благодаря материальной поддержке его Высочества великого князя Николая Михайловича, а также [финансовой] помощи некоторых петербургских господ энтомологов, я смог совершить путешествие в малоизвестную страну Корея с целью сбора чешуекрылых. [Автор статьи, д-р медицины, лепидоптеролог Карл Фиксен (Fixsen, Karl Johann Nikolai, 1832–1892) во вступлении к своей статье много цитирует письма Герца из Кореи. По-видимому, Фиксен был одним из спонсоров поездки, а в его коллекции из 18.617 экз. палеарктических бабочек, в основном из России, поступившей в 1899 г. в Зоологический музей Гамбургского университета, имелось много материалов из корейских сборов Герца (см. Weidner, 1974)].

Отправившись из Одессы на пароходе «Царица» 1 марта, после довольно приятного плавания 12 апреля я прибыл в порт Нагасаки, и стал дожидаться ходящего в Корею единственного английского парохода «Нанцинг». Между тем ловля насекомых здесь мало вознаградила меня за усилия, а дальних экскурсий вглубь острова [Кюсю] следовало избегать, так как они отняли бы слишком много времени, и требовали разрешения, на получение которого ушло бы четыре недели. 1 мая «Нанцинг» отправился в плавание. 2 мая мы прибыли в Пусан, самый южный и лучший корейский порт. Пробная экскурсия на преимущественно голые возвышенности, окружающие гавань или покрытые небольшим сосновым лесом, вероятно, из-за суровой погоды, дала лишь небольшое: 80 жесткокрылых 10 различных видов. В Сеуле я нашел учтивый прием в доме консула, господина фон Мёллендорфа. Экскурсии в окрестные горы высотой около 800 футов принесли мне

только *Papilio Machaon* и *Xuthulus*, а также некоторых голубянок, в целом очень скудный набор видов. [Далее следует краткий рассказ о селении Пунг-Тунг, где он провел все лето, собирая бабочек].

[Об экспедиции 1884 г. в Корею (Herz, 1904)]. Когда я в 1884 г. предпринял собирательскую поездку в Восточную Азию, то изначально намеревался отправиться в Приамурье. Но по прибытии в Нагасаки отказался от этого плана [по-видимому, он там узнал, что в Приморье и Приамурье в это время одновременно занимались коллекционированием насекомых по крайней мере четыре энтомолога: братья Ф. и Г. Дёррисы, Л. Грээр и В. Дикман], поэтому решил исследовать неизвестных тогда чешуекрылых полуострова Корея, который, как я считаю теперь, относится к Палеарктической фаунистической области. Из моей нижеследующей статьи видно, что это мое предположение нашло в ней полное подтверждение, так как большинство чешуекрылых, отловленных здесь мною, а затем Личем и Янковским, чисто палеарктические по происхождению, и, естественно, в гораздо большей степени общие с Приамурьем, чем фауна северной Японии, которая также отчасти принадлежит к Палеарктической фаунистической области. Лишь исчезающе малая часть Кореи, считая примерно от 36-го градуса южной широты, — там, где начинается область бамбучников, имеет, насколько известно, несколько больше японских форм. Но число их настолько мало, что, по крайней мере, 2/3 состава фауны распространены также на территории Приамурья.

...Прежде чем приступить к перечислению и описанию новых видов, вкратце упомяну, что я собирал их с 31 мая по 10 сентября исключительно в небольшой деревне Пунг-Тунг в графстве Кымва, расположенной на высоте около 1700 футов над уровнем моря [здесь и далее все даты приводятся по старому стилю]. Пунг-Тунг находится примерно на 38,5° северной широты и 128° восточной долготы, в десяти английских милях к востоку от главной дороги Сеул-Гензан (последний ныне называется Вонсан), в самом сердце полуострова. Небольшая речная долина, в которой лежит Пунг-Тунг, шириной около пятисот шагов, была окружена с обеих сторон горами высотой 800 футов, на склонах которых росли преимущественно дубовые и орешниковые кусты. В узких боковых долинах росли разреженные насаждения из ели, сосны и березы, с небольшими полями между ними, дававшими наилучший урожай. Берега реки окаймляли ряды тополя и ивы, рододендроны встречались лишь эпизодически, а бамбук здесь уже отсутствовал.

Мои сборы чешуекрылых стали бы еще обильнее, если бы меня не вынудили бежать, досрочно покидая это уловистое место, начавшиеся в то время в Северной Корее беспорядки. А еще, если бы не пугало непредсказуемое половодье здешних горных речек, вдруг, некстати прекращающее всякое дорожное движение. Только благодаря этому я целым и невредимым добрался со своими трофеями до столицы, где вскоре после этого начались японо-китайские столкновения.

Еще хотелось бы упомянуть, что ловля на медовые приманки приносила здесь такие великолепные результаты, каких во время моих многочисленных экспедиций мне не удавалось добиться нигде. Я смешивал мед с водой и с очень сильно пахнущим корейским бренди, так называемым «сули», и этим составом каждый вечер перед наступлением темноты опрыскивал старые ивы, которые росли довольно изолированно. На сладкую и в то же время опьяняющую приманку садились не только ночные бабочки, но и очень часто в огромном количестве слетались даже дневные. Нередко на площади примерно одного квадратного метра я насчитывал более четырехсот чешуекрылых, которых даже при не очень ярком освещении не удавалось согнать с некогда занятого ими места. У меня всегда было время отобрать наилучшие экземпляры, а для того, чтобы бабочка попала в морилку, часто приходилось отталкивать пальцем соседних любительниц бродящего меда. Во многом именно благодаря этому способу я и собрал свою многочисленную [корейскую] коллекцию.

[Об экспедиции в 1888-1889 гг. по Якутии (Herz, 1898)]. По возвращении из удачного вояжа по Северной Персии в 1887 г., благодаря великой милости Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича, мне было даровано любезное разрешение и средства на эту поездку, и 25 февраля в бодром настроении я отправился в трехлетнее путешествие в столь интересную местность [Ленскую область Якутии]. [Статья в форме дневниковых записей содержит множество интересных бытовых подробностей из жизни пассажира, едущего в те далекие времена на перекладных, и описание нравов местных жителей, но, к сожалению, не имеющих отношения к энтомологии, и потому нами опущенных]. Поскольку частью моего плана было желание направиться прямо на Вилюй, мне пришлось ускорить свое движение, чтобы добраться до Якутска еще до того, как вскрыется лед на Лене. Путь мой лежал через Москву в Нижний-Новгород, затем через Казань на санях в Пермь, откуда железная дорога перевезла меня за Урал в Тюмень, куда я добрался рано утром 9 марта. Имея хорошие рекомендации, я смог получить все необходимые бумаги в течение дня. 16 марта прибыл в Томск, а 9 апреля приехал в Иркутск. 15 Апреля я достиг Киренска, где шла довольно оживленная торговля между Иркутском и Якутском. К сожалению, берега Лены все еще лежали в полном зимнем облачении. Дорога по Лене была уже едва проезжей, и лошади каждую минуту по брюхо погружались в мягкий снег. 18 апреля я с трудом добрался до большой торговой деревни Витимск, расположенной на левом берегу Лены, напротив впадения в нее довольно значительного притока Витим. Отсюда я проехал еще 6 верст до паровой пристани «Высокое», принадлежащей богатой сибирской компании, где у меня были хорошие рекомендации, и я нашел самый любезный прием. Ехать по Лене в Якутск стало опасно. Поэтому решил дождаться очищения Лены и Витима ото льда, а затем, как только представится возможность, подняться вверх по Витиму к речке Бодайбо, где расположены крупные сибиряковские золотые прииски, и собирать там все лето.

В первую половину июня погода была не совсем благоприятная, и жукелиц я встречал лишь в единичных экземплярах. Бросилось в глаза отсутствие жуков рода *Carabus*. 1 и 2 июня случился даже снегопад, и только 11 июня, наконец, началось собственно время сбора, которое продлилось до 20 августа. Двукрылые и перепончатокрылые были довольно многочисленны, но число их видов очень мало. Прямокрылые представлены слабо. На р. Бодайбо моллюски отсутствовали вообще, на Лене я нашел только несколько улиток (*H. fulva* и *runderata*), а также *Limnaeus palustris*, *truncatulus*, *Succinea putris* и др. Из этой краткой информации видно, что местность для сбора была не совсем удачна, отсюда и небольшое количество видов. Ночной улов был почти полностью безуспешным: то слишком холодно и сыро, то ночи были очень светлыми, а мои опыты с медом и кусочками яблока были совершенно бесплодны, и только с лампой я мог хоть что-то поймать. Собирать днем в сырых лесах было трудно также из-за огромного количества комаров, и, укрываясь шубой, приходилось иногда бросаться ничком на землю, только бы ненадолго освободиться от этих мучителей.

Поскольку в середине августа сборы стали безрезультатны, ничто меня там больше не могло удержать, поэтому я отправился в главный город Северо-Восточной Сибири. Во время моего пребывания в Якутске с 31 августа 1888 г. по 16 марта 1889 г. я имел достаточно возможностей познакомиться с тамошней однообразной жизнью, к которой, правда, можно очень легко привыкнуть, да так, что, в конце концов, уже совсем не скучаешь по культурному уровню Европы. До Вилюйска я добирался вместе с налоговым инспектором: 22 марта мы были уже там. Вся территорию бассейна верхнего и среднего Вилюя занимает волнистая равнина, на которой чередуются тайга и тундра. Болота и непроходимые топи больше встречаются в нижнем течении Вилюя, в то время как в верхней его части по обоим берегам тянутся густые леса из *Pinus silvestris* и *Larix dahurica*.

Летним днем бывает довольно жарко, но ночи всегда прохладные, и столбик термометра часто падает до точки замерзания. В некоторых местах вблизи Вилюйска лед можно встретить круглый год. Как только сойдет снег, на лугах расцветает прекрасная, богатая флора. С большим нетерпением ждал я времени лета бабочек, и *Colias Viluensis* [вилюйская желтушка] не выходила у меня из головы. День и ночь меня мучил вопрос: найду я ее или нет? Это было довольно тревожное состояние. 15 мая лед на Вилюе начал двигаться и 23 мая я поймал первых бабочек, двух *Th. Rubi* и одну *Atomaria*. 24 мая появились первые *Argynnis* и *Lycaena*, *Machaon* и *Tenedius*; а 27 мая прибавилась *Colias Melinos*. 3 июня снова выпал снег, и сразу же, как только он растаял, массово появились сразу все чешуекрылые. В конце июля бабочек было уже очень мало, а в начале августа, как и на Витиме, их лет полностью прекратился. Ночной сбор был очень слабым из-за светлых и холодных ночей, так что с большим трудом мне удалось поймать только очень многочисленные виды.

Так как не смог убедить ленивых политических ссыльных ловить их за плату, то я научил этому ремеслу одного казака, который летом очень усердно коллектировал под Вилюйском. Предложение капитан-исправника [полицейский чин] сопровождать его в инспекторской поездке по якутским селениям я принял с радостью. Это дало мне возможность обследовать долину Вилюя на протяжении 1300 верст. Но энтомофауна везде оставалась одинаковой. Я отмечал встречаемость одних и тех же видов на всем маршруте. [Далее О. Грезер сообщает множество интересных этнологических наблюдений, но про насекомых ничего нет]. Ранним утром 7 сентября мы, наконец, снова увидели крыши Вилюйска. Там я пробыл до начала декабря, а потом вернулся в Якутск и стал готовиться к намеченному на следующий год путешествию на Камчатку.

[Об экспедиции 1890 г. на Камчатку (Herz, 1897)]. Собрав в 1888 г. энтомологические материалы на Витиме, самом значительном правом притоке Лены, и в 1889 г. на Вилюе, наибольшем левом ее притоке, я вернулся в Якутск в декабре 1889 г., и по приказу Его Императорского Высочества великого князя Николая Михайловича должен был отправиться в экспедицию на столь малоизведанную до сих пор в плане энтомологии Камчатку. Подготовка к этому чрезвычайно трудному путешествию, поскольку совершить его можно было только зимой, когда устанавливался санный путь, заняла более месяца. Расстояние от Якутска до Петропавловска составляет более 5000 верст, и мне, с учетом нескольких дней пребывания в Охотске и Гижигинске, потребовалось на него около 3 месяцев, а именно период с 22 января по 15 апреля. [Далее, вплоть до Камчатки, в описании поездки нет ничего энтомологического, но записки очень интересные. О. Герц приводит много этнографического материала из своих наблюдений. Самым тяжелым был путь от Ямска до Гижигинска, проходивший берегом Охотского моря: ему с проводниками пришлось пережить в дороге страшную пургу, длившуюся непрерывно девятнадцать суток! Довелось спать, зарывшись в снег, есть падаль; многие километры лезть по скалам над морем, так как шторм оторвал припайный лед. Вряд ли кто-то еще ради одной энтомологии преодолевал такие лишения!].

Как раз в воскресный полдень 15 апреля добрался я до столь долгожданного Петропавловска, где нашел самый радушный прием у тогдашнего губернатора [точнее, окружного начальника] Петра Прокофьевича Хомякова, и теперь с тоской ожидал пробуждения весны. Но мне пришлось терпеть целых два месяца, прежде чем я смог подумать об экскурсиях, так как снег был еще более двух метров. Поскольку Петропавловск не казался мне достаточно благоприятным местом для сбора, в качестве своей базы на лето я выбрал Старый Острог [село, ныне г. Елизово], находившееся дальше, в глубине полуострова, там, где высокие горы было исследовать легче. Мои большие надежды на богатый и интересный сбор отодвигались все дальше и дальше, пока, наконец, в

середине июня не появились первые чешуекрылые. За время их лета, который длился всего 6-7 недель, я нашел сравнительно немного видов. Только *Colias Palaeno* var. *Europomene*, *Lycaena Optillete*, [*Polyommatus*] *Eumedon* var. *Fylgia*, *Melitaea Athalia* var. *Orientalis*, *Argynnis Euphrosyne*, [*Argynnis*] *Ino*, *Erebia Embla* var. *Succulenta* Alph. nova, *Neineophila Plantaginis* var. *Floccosa* и *Hadena Ferrago* var. *Terrago* Alph. были обычны; все остальное появлялось лишь изредка. Ночная ловля на свет лампы или мед почти всегда была безуспешна. Лишь обыскивая цветы я смог добиться хотя бы небольшого результата. Но более всего мои надежды не оправдались, когда я впервые ступил на альпийские луга в полном цвету: в своих многочисленных путешествиях я не встречал более красиво развитой и многочисленной флоры, чем здесь, на Камчатке. Блуждая в этом море цветов, я нашел на великолепной желто-красной цветущей лилии только интересную разновидность *Papilio Machaon*, которую г-н Алфераки подробно описал как var. *Kamtschadalus* [см. Alphéraky, 1897]. Точно также, за исключением обычных видов, широко распространенных по всей Палеарктике, были очень скудно представлены другие отряды насекомых: перепончатокрылые, двукрылые и прямокрылые. Сбор жесткокрылых тоже не принес большого успеха, и я предполагаю поэтому, что многие из видов рода *Carabus*, занесенных в каталоги с Камчатки, были ошибочно описаны как камчатские. Причины, которые приводят меня к этому выводу, заключаются в климатических условиях, и, прежде всего, в колоссальной влажности, вызванной изобилием снега, которая стоит на пути развития жизни у всех насекомых.

[27-31 августа О. Герц с проводником совершили восхождение на вулкан Корякский, достигали его вершины]. Мы вышли очень рано, и наш путь сначала проходил через красивый березовый лес, пока к полудню мы не перешли в зону тундры. Бабочки, казалось, полностью вымерли в этих прекрасных ловчих угодьях, и мне удалось поймать только нескольких *Argynnis Pales* var. *Arsilache*. Жесткокрылых здесь не было совсем. [Сырой холод губителен для насекомых].

...4 сентября на пароходе «Александр» я вышел из Петропавловска, а 7 сентября мы причалили к острову Беринга, где меня очень любезно приняли в конторе компании котиковых промыслов. «Александр» пробыл на рейде всего несколько часов, и я стал ожидать прибытия 64-тонной шхуны «Лайон», также принадлежавшей этой фирме; проводил время, совершая по интересному острову экскурсии в разных направлениях. [И не без выгоды: в книге поступлений дрезденского «Museum für Tierkunde» указано, что «череп морской коровы Стеллера с о-ва Беринга был куплен в сентябре 1891 г. у Отто Герца» (Stefen, 2003). Не исключено, что и некоторые другие кости, находящиеся в составе скомплектованного и смонтированного в постоянной экспозиции скелета имеют то же самое происхождение, так как неизвестно время поступления их в музей]. Наконец, 4 октября прибыл «Лайон», и в тот же день началось мое 42-дневное, чрезвычайно бурное путешествие через Тихий океан в Сан-Франциско, откуда я затем вернулся в Петербург через Нью-Йорк и Бремен.

[Об экспедиции 1901-1902 гг. в Якутию за трупом мамонта (Herz, 1903d)]. Учитывая ту спешность, с которой нам приходилось двигаться, чтобы поскорее добраться до мамонтовой могилы на р. Березовка, притоке Колымы, больших сборов чешуекрылых, конечно, ожидать не приходилось. Фактически у нас была возможность ловить только от р. Алдан до Верхоянска, и посвятить себя охоте на чешуекрылых мы могли лишь во время недолгих перерывов на обед. В верхней части долины р. Яна, которую мы проехали в начале июля, улов был наилучшим, и, несомненно, что эта местность дала бы нам и многое другое, если бы мы могли пожертвовать большим количеством времени. Обычно когда попадали в район, где часто встречались бабочки, путь тоже всегда становился лучше, и тогда, как можно быстрее, нужно было не задерживаясь двигаться

вперед. Отставание всегда приводило к тому неудобству, что догнать нашу впереди идущую партию было трудно, так как не было надежного пути, по которому можно было бы двигаться медленно и наверняка. За три недели пребывания в Якутске относительно поверхностно удалось изучить только ближайшие окрестности.

По описаниям [ботаника] доктора Бунге, долина Яны, то есть местность вокруг Верхоянска необычайно богата насекомыми, но лишь на короткое время, около шести недель, и поэтому мне было бы очень интересно иметь возможность собирать там в это время, чтобы получить знания обо всей фауне чешуекрылых Северо-Восточной Сибири, – обобщив, таким образом, данные своих путешествий на Витим, Вилюй и на Камчатку. Хотя количество отловленных [мною] видов невелико, а именно, 64 в 673 экземплярах, [но] были обнаружены шесть новых форм, которые описаны мной далее: *Parnassius delius* var. *interposita*, *Acronycta pfizenmayeri*, *Agrotis (Platagrotis) vega*, *Agrotis (Platagrotis) spetiosa* var. *janae*, *Agrotis kolymae*, *Anamogyna laetabilis* var. *minor* и *Anarta lamuta*.

LIFE WAY AND SCIENTIFIC ENVIRONMENT OF O.F. HERZ – RESEARCHER OF LEPIDOPTERA OF YAKUTIA AND KAMCHATKA

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia
E-mail: evgenov@mail.ru

A review is made of the life path of Otto Alfred Herz (1853–1905), an entomologist, conservator and collector of natural history collections in zoology, a graduate of the world famous German trading company “O. Staudinger & A. Bang-Haas” (Dresden-Blazewitz), who, with the same tasks in 1883, transferred to the service of Grand Duke Nikolai Mikhailovich Romanov. The characteristics of the people of his environment are given. During the Russian period of his life, O. Hertz traveled continuously, being one of the first researchers of the entomofauna of Yakutia and Kamchatka. The bibliography of works is given. The Appendix contains a translation from German of fragments from his travel reports that are directly related to entomology.